

ВЕЛИЧИЕ ПОПУЛЯРНОСТИ И НЕПОПУЛЯРНОСТЬ ВЕЛИЧИЯ

Независимая газета. — 1998. — 5 дек. — с. 12

Российские зрители, скорее всего, не увидят французский телефильм про Святослава Рихтера

Екатерина Барабаш

ЭТОТ ФИЛЬМ российский телезритель вряд ли увидит. Им восхитились на международном телевизионном фестивале в итальянском городе Ассизи, меломаны смогут посмотреть его, если посчастливится достать, на видеокассетах. Кому-то удалось попасть в Дом композиторов на просмотр для узкого круга. Дальше, видно, не судьба. За фильм запросили 25 тыс. долл., — сумма относительно невелика, но телевидение наше еле-еле на очередную «Байку из склепа» наскребает.

«НГ» уже писала о документальном фильме «Тайна Рихтера» сразу по окончании телефестиваля (см. «НГ» от...09.98). Тогда, правда, и речи не было, что он может появиться в России. Но он появился, точнее — мелькнул, на три часа. Об этом фильме трудно говорить, его практически невозможно рецензировать. Потому что весь фильм — это один Святослав Рихтер. Вольно тому, кто возьмется теперь рецензировать Рихтера.

Старый больной человек в домашней кофте за два месяца до смерти рассказывает о своей жизни. Великий музыкант, не дававший интервью, близко не подпускавший журналистов, то ли повинаясь возрастному порыву, то ли поддавшись на уговоры автора ленты Бруно Монсенжона, вдруг соглашается сесть перед камерой и дать оценку и своей жизни, и жизни людей, его окружавших. Справедлив ли он, когда говорит о беспринципности и коварности Прокофьева, о невменяемости Шостаковича, о неприглядности Караяна; имеет ли он право осуждать мать, быстро вышедшую замуж после расстрела отца, — Бог ведает. Наверное, человек, чувствующий смерть где-то совсем рядом и решивший выговориться, пока она еще не постучалась в дверь, на многое имеет право хотя бы потому, что в этот момент он абсолютно честен перед собой. Это не исповедь, нет, это даже не похоже на ПОСТУПОК — выговорить все, что за долгие-долгие годы накопилось в душе. Это больше. Это «Художник Которого Никто Не Знал». Знали его виртуозные пальцы, но не ведали, что он мыслит о жизни; восхищались божественным даром, но не догадывались о его комплексах; стоя рукоплескали ему, но не предполагали, что он думает о себе самом. Нашлись люди, которые сказали, что и не надо было — мол, негоже разрушать привычный образ замкнутого музыканта.

Святослав Рихтер.
Фото ИТАР-ТАСС

«Я не люблю себя. Я недоволен собой», — монотонно произносит великий маэстро в конце фильма. Как не правы те, кто считает лишними, ненужными откровения художника! До грязного белья нам действительно дела нет. Но мы жадно хватаем запоздалую радость узнавания великого, сравнимую, пожалуй, только с радостью от музыки героя; мы радуемся неожиданному эмоциональному навалу, вызванному монотонным монологом старого человека в течение почти трех часов; мы восхищаемся — когда он рассказывает о том, какой видит музыку; жалеем — когда с неожиданно детской обидой вспоминает мать; недоумеваем — когда сухо и походя говорит о жене, Нине Дорлиак, с которой прожил больше полувека.

Но кончается фильм, и, пытаясь заглушить весь этот нестройный хор эмоций, назойливо и бесцеремонно стучится одна и та же мысль: «Почему французы?» Потому что в последние годы Рихтер жил во Франции? Ответ не принят. Потому что у нас нет денег, а у французов есть? Чепуха, фильм не-

дорогой. Потому что нам бы Рихтер никогда не дал интервью? Может быть. Неважно, впрочем, какой ответ правильный — скорее всего, правильного быть не может. Просто у нас фильм про Рихтера не сделали, а французы — сделали. Французы, 99% которых не знают, кто такой Рихтер, додумались до простой вещи: великий художник — неважно, пускай русский, гений наднационален — обязан быть максимально оставлен в памяти людей. Вне зависимости от национальности.

Поразительно даже не то, что такой неожиданный, пронзительный фильм был снят не в России, поразительно, что больше чем за год со дня смерти Святослава Теофиловича в его родной стране про него не сделали НИЧЕГО. Ровным счетом. На девять и на сорок дней показали старые записи — и все. Рихтер не был замечен ни в каких политических пристрастиях, выступал только за роyleм и очень настороженно относился к художникам, разбазаривающим энергию на не имеющую отношения к искусству деятельность. Недаром в

фильме изрядно досталось от Рихтера, например, Ростроповичу. Дай Бог здоровья последнему, но он, в отличие от Рихтера, уже занял свое место в общественном сознании не только как выдающийся музыкант.

Не так давно к годовщине смерти Андрея Миронова в который раз показывали «Берегись автомобиля». Показ предваряла довольно длинная передача, в которой нашлось место и дочери Миронова, и дочери Папанова, и добрым словам про этих замечательных актеров. Но, поясняя, что показ приурочен к годовщине смерти «великого артиста Андрея Миронова», никто, ни один из участников передачи ни словом не обмолвился, что в картине снимался Иннокентий Смоктуновский — один из величайших русских артистов. Мы так легко научились ставить знаки равенства, девальвируя одни понятия и до непомерных величин раздувая другие, смешая их, меняя местами. Посмертно телевидение сделало великим поэтом культовую фигуру — Булата Окуджаву, а ретроспектива фильмов на телевидении здравствующего Карена Шахназарова объявлялась как «работы великого русского режиссера». Великое множество великих — живых и ушедших — так или иначе общаются с нами с экрана телевизора. Как правило, таковыми становятся в двух случаях — смерти и юбилея. Легкость, с какой телеведущие раздают «титлы», заставляет досадовать на собственную дотошность в выборе слов. За последние две недели эпитета «великий» удостоились два юбиляра — Михаил Глузский и Алексей Баталов и Жан Маре — по причине смерти.

Все эти люди, бесспорно — достойные и яркие представители своей профессии. И в конце концов, не так важно, кого как назвать, а в крайнем случае можно прибегнуть к аргументу о разности вкусов. Но кому, как не работникам телевидения, знать, как отзывается сказанное с экрана слово. Или — наоборот — не сказанное. Мой сын еще чуть-чуть застал Рихтера, видел Смоктуновского в театре, успел ухватить состарившиеся, но все-таки шедевры Товстоногова. Но своим детям он уже вряд ли сумеет объяснить, кто такой Рихтер, почему даже канал «Культура» предпочитает ему Николая Петрова или Николая Луганского, почему ретроспективы фильмов Смоктуновского не было ни разу и в чем истинное величие режиссера Карена Шахназарова. И почему, наконец, мы про своего великого Рихтера не сделали ничего, а французы про нашего великого Рихтера — выдающийся фильм. ■